

Последние рыцари / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Последние рыцари / рассказ ПОСЛЕДНИЕ РЫЦАРИ

Подобно тому, как прирожденный всадник связан неразрывно телом и духом со своей породистой лошадью, идущей на ирландский банкет, – был связан капитан князь Тулубеев со своим эскадроном, своим полком и со всей славной русской кавалерией. Репутация его, как прекрасного всадника и как человека чести, была уже прочно установлена. Еще будучи «зверем» в петербургской кавалерийской школе, он вызвал на дуэль одного из товарищей, остзейского барона, позволившего себе неосторожно сказать, что татарские князья годны только на то, чтобы служить в ресторанах и заниматься шурумбуром. Дуэль состоялась. Противник Тулубеева был легко ранен в ногу, а сам Тулубеев был в наказание разжалован в солдаты, в пехотный полк.

За два года такой опалы Тулубеев, от нечего делать, отлично подготовился к экзамену для поступления в Академию генерального штаба и, после помилования, безукоризненно выдержал его. У него хватило терпения блестяще окончить оба академических курса, ибо по натуре своей был он человеком, не любившим больше всего недоделанных дел, но, получивши почетный диплом, он тотчас же запросился назад, в свой возлюбленный Липецкий драгунский полк. Напрасно милый генерал Леер, тогдашний начальник академии, всеми силами старался убедить Тулубеева не оставлять работы и службы в генеральном штабе, обещав ему высокую карьеру. Тулубеев сердечно благодарил добрейшего генерала, но отвечал постоянно:

– Кланяюсь вам земно, ваше превосходительство, и всегда буду помнить вашу науку, но что же я могу поделать с собою, если меня, как в родной дом, тянет в мой Липецкий драгунский полк с его амарантовым ментиком и коричневыми чикчирами. Вот запоют господа офицеры «Журавля» и как дойдут до нашего полка:

Кто в атаке злы, как гунны?

Это – липецки драгуны, –

так сердце и затрепещет. Кажется, если бы умел, то заплакал бы.

Явившись в полк, Тулубеев первым долгом доложил начальству о том, что он отнюдь не намерен пользоваться той привилегией молодых академиков, которая давала им право на внеочередное получение следующего чина, в ущерб всем обер-офицерам. Такие великодушные отказы бывали необыкновенной диковинностью в армии (если они вообще когда-нибудь бывали), и господа офицеры с удвоенным удовольствием оценили великодушную справедливость Тулубеева, не позволившего себе сесть на спины товарищей, и почтили его в собрании разлитым банкетом, на котором он не без юмора говорил об академии и о причинах своего ухода из нее.

– Что за черт! – говорил он. – Молодые люди тренируют себя, чтобы быть водителями планетарных армий, и ни один не умеет сесть на лошадь. Сидят на ней, как живая собака на заборе, при каждом удобном случае хватаются за луку и закапывают редьку в землю. Я их стыдил: «Как, мол, полководцу не уметь обращаться с лошадью?» А они цинично возражают: «В будущих войнах не останется места ни бутафорским эффектам, ни поэзии, ни роскошным батальным картинам, ни блистательному героизму легендарных белых генералов на белых конях, ни головокружительным военным карьерам, переворачивающим целые государства вверх ногами. Тайна победы будет принадлежать изобретателям – химикам, физикам и биологам, а выигрывать войну будут полководцы с холодным расчетом и железными нервами и с той деловой спокойной жестокостью, которая не пощадит женщин и детей и не оставит побежденному даже глаз, чтобы оплакивать свое горе». И дальше говорили эти доморощенные Аттилы: «Ну-ка, подумайте хорошенько и скажите по совести: какую роль вы отведете самой отважной кавалерии в такой войне, когда эскадрилья бомбоносов способна будет в течение одной ночи разрушить в прах такой город, как Берлин или Лондон; когда разведка и командование обеспечены будут беспроволочным

телеграфом; когда дивизии и корпуса будут перебрасываться на сотни верст с бешеной скоростью в колоссальных автомобилях; когда победители перестанут брать в плен сдавшихся; когда безмерные неприятельские зоны будут сплошь заражены чумой, холерой, столбняком, сапом и другими заразительными болезнями, бактерии которых годами, в ожидании войны, взращивали и распложили искусные бактериологи враждебного государства. Куда же при таких сверхчеловеческих условиях вы денете самую прекрасную, самую безумно отважную кавалерию?»

Дальше говорил корнет Тулубеев:

– Эти кабинетные колонновожатые, будущие русские Мольтке, любили щегольнуть фразой, говорящей о беспредельной суровости власти и о безграничности кровавых военных мер, способствующих достижению успеха. Чаще всего они цитировали замечательное изречение великого французского генерала Бюжо: «Страшно подумать о том, на что можно отважиться на войне». Оттого-то в их современную науку побеждать входили страшные железные формулы и термины: «бросить в огонь дивизию», «заткнуть дефиле корпусом», «вялое наступление такой-то армии оживить своими же пулеметами» и так далее. Очень много говорили о психологии масс, но совсем забывали психологию русского солдата, его несравненные боевые качества, его признательность за хорошее обращение, его чуткую способность к инициативе, его изумительное терпение, его милость к побежденным.

Тулубеев нередко в разговорах с академиками заводил речь о кавалерийских рейдах, об этом сухопутном корсарстве, которое требует максимальной быстроты передвижения, неустанной отваги, железного здоровья, волчьей наблюдательности и братской связи между начальниками и подчиненными. Но вопросом о рейдах кавалерийских частей никто в академии не интересовался – ни профессора, ни слушатели. В библиотеке была книга генерала Сухомлинова «Рейд Стюарта», и Тулубеев добросовестно принудил себя прочитать ее до конца и только на последней строчке убедился в том, что даже нарочно, даже назло невозможно было бы написать на такую живую и увлекательную тему такую жалкую, бледную, скучную, ничтожную книжонку. Генерал Леер, начальник академии, человек образованный, умный, обаятельный, довел до

сведения Тулубеева, что лучше всего изучать рейд Стюарта можно по знаменитой книге «Война Севера с Югом», напечатанной в Америке. «Книга эта, – говорил с почтением Леер, – одна из самых крупных по размеру книг во всем мире, и в продаже ее нет, но, заручившись вескими рекомендациями, а следовательно, и доверием в Вашингтоне, можно, пожалуй, получить разрешение прочитать ее в библиотеке Белого дома». Тулубеев поблагодарил сердечно добродушного генерала, решил про себя при первых же больших деньгах поехать в Америку. Но деньги как-то сами не приходили, рассчитывать на долгий служебный отпуск после двухлетней академии было невозможно. Бравый драгун вздохнул с облегчением и вернулся навсегда назад, в свой родной и славный Липецкий драгунский полк, и зажил в нем прежней жизнью, спокойной, привычной и милой.

С прежним увлечением и с прежней точностью нес он свою службу, которая для настоящего кавалериста никогда не бывает ни скучной, ни тяжелой; но мысли о партизанской войне, о молниеносных налетах на тыл противника и об уничтожении его путей сообщения никогда не оставляли его. Состоя в обер-офицерском чине, он как бы по рукам и по ногам был связан догмами и уставами, железной традицией и непререкаемой волей прямого начальства. Но, получивши, наконец, в свое командование эскадрон, он сразу почувствовал себя легким и свободным. Принимая эскадрон, он громко и отчетливо сказал выстроенным солдатам:

– Когда Господь Бог создал весь мир и нашел его зело добрым, то вдруг почувствовал, что чего-то в его творении не хватает. Подумал, подумал, потом взял в свои ладони воздух, велел ему сжаться и вдунул в него свое могучее дыхание. Так произошла лошадь, и потому всадник должен относиться к ней с любовью и уважением, беречь ее, холить и ласкать и разговаривать с нею, как с родным человеком. Так же почитай и всадника. Всадника можно убить за ослушание, но бить его нельзя даже в шутку и никогда нельзя гадко говорить о его матери. Я сказал.

Этой немножко странной речи Тулубеев никогда больше не повторял, но она глубоко проникла в сердца. Из эскадрона быстро выветрились даже невинные подзатыльники. А затем

Тулубеев немедленно принялся за постепенную тренировку своих всадников-друзей к воображаемому рейду. Он незаметно втягивал лошадей в неустойчивые дальние пробеги, учил солдат тому, как надо ориентироваться по компасу, по солнцу, по мху на деревьях, по ветру. Вскоре все его всадники уже умели делать маршрутные съемки и вычерчивать ясные, отчетливые кроки.

Все эти уроки не переступали за границы устава о кавалерийской службе, но Тулубеев самовольно расширял казенные мерки. Он учил своих всадников переплывать с лошадьми через неглубокие реки, накидывать аркан на лошадь или на всадника, крепить морские узлы, подражать крику птиц для условных сигналов и т. п.

Тулубеев задолго предвидел дьявольскую войну с Германией и предчувствовал ее неслыханные, невообразимые планетарные размеры. Военная суровая дисциплина не терпит зловещих пророчеств, особенно исходящих из уст военнослужащих. Тулубеев после горькой японской войны не сомневался в близости другой, страшной и неизбежной войны, но молчал и лишь усердно обучал молодых унтер-офицеров немецкому языку и германской психологии.

Сараевское убийство пришлось как раз в тот день, когда Тулубеев в чине полковника принимал под свое начальство славный Липецкий драгунский полк.

Ему было тогда тридцать шесть лет – для природного кавалериста возраст зрелости и полного расцвета. Он был строен и мужественно красив. Жениться он никогда не собирался, твердо убежденный в том, что люди стремительных профессий – моряки, летчики и всадники – не должны обзаводиться семейным грузом. А жену и детей ему заменял полк, с которым он связался телом и душой. И родной полк отвечал ему благодарной взаимностью, читая в его глазах приказание и упрек, негодование и ласку; и когда его блистающие глаза говорили: «Ну, дети! Теперь идем на верную смерть!» – глаза офицеров и солдат весело отвечали: «Рады стараться!»

Театр войны сразу же перенесся в Россию. Тулубееву с дивизией пришлось перебраться на запад. Там он впервые услышал о неудачах ренненкамповского рейда. Он знал Ренненкампа лично,

знал его безумную решимость, его пламенную храбрость, его гордое презрение к смерти, его тевтонское упорство.

Тулубеев понял причину, по которой сорвался рейд Ренненкампа. Его не поддержали вовремя и его полет затормозили те же штабные карьеристы, от которых он сам, Тулубеев, ушел в молодости. Но у Тулубеева неожиданно нашелся отважный друг, мощный покровитель и единомышленник в лице генерала Л., командовавшего знаменитой окраинной армией.

Это был тот самый Л., который однажды изумил весь военный Петербург своей независимостью и самостоятельностью. Он начал службу в одном из блестящих гвардейских полков, где вскоре обратил на себя внимание начальства отличным знанием военной науки, распорядительностью, находчивостью, представительностью и замечательным умением обращаться с солдатами. В тридцать два года он был уже в чине полковника и носил флигель-адъютантские эполеты. Но эта счастливая и завидная карьера внезапно оборвалась благодаря нелепому и глупому случаю. К роте полковника Л. был причислен младшим офицером один из юных князей, уже успевший прославиться в Питере кутежами, долгами, скандалами, дерзостью и красотой. Этот неудачный отпрыск великого дома уже не раз выслушивал от Л. сухие, корректные замечания и спокойные предупреждения, но всегда отвечал на них презрительными гримасами и шутовскими улыбками. Но однажды полковника взорвало. Князенок в это несчастное утро опоздал на строевой плац на целых три минуты. Он выходил из своей коляски тогда, когда вся рота уже стояла выровненной, как по ниточке, с ружьями у ноги. На устах молодого князя играла беззаботная, проказливая улыбка. Л. вспыхнул от гнева и во всю мочь своего здоровенного голоса скомандовал роте:

– Смирно, господа офицеры!

Это была уничижительная военная ирония. Так командуют только при появлении старшего начальника. Князю следовало бы тотчас же приложить руку к козырьку и громко сказать: «Виноват, господин полковник». Но он явился на ротное учение прямо с оглушительного кутежа, затянувшегося до утра, и в голове у него еще бродил дурашливый непокорный хмель. Он нагло подбоченился и хриплым, петушиным голосом скомандовал:

– Вольно!

У Л. запрыгала нижняя губа и лицо побледнело.

– Долой с плаца, – приказал он громко. – Немедленно идите домой и ложитесь!

– С кем прикажете, господин полковник? – вдруг, как в бреду, спросил князь, теряя рассудок.

У Л. глаза налились кровью.

– Господин адъютант, – приказал он. – Немедленно сопроводите его высочество к командиру полка и доложите его превосходительству о зазорном, позорном и непотребном поведении его высочества во время исполнения служебных обязанностей и в присутствии всей роты.

Этот скандал не дошел до ушей посторонней публики. Офицеры дали слово хранить о нем вечное молчание и сдержали его; солдаты же в офицерские дела никогда не вмешивались. Молодой князенок оказался, в сущности, совестливым и добрым малым: он принес сердечное извинение полковнику Л. Он был переведен в другой полк и чем-то наказан высочайшими родителями. Полковнику Л. досталось крепче. Как-никак, а он все-таки грубо и неделикатно оборвал отпрыска императорской фамилии. Его отчислили от гвардии, лишили флигель-адъютантства и перевели с тем же чином в окраинную армию.

Японская война опять выдвинула его вперед и наверх. Он был в этой несчастной войне одним из тех, крайне немногих генералов, которые сохранили в сердцах и душах своих великие воинские доблести и заветы, начертанные когда-то Петром Великим, Суворовым и Скобелевым, вместе с наукою побеждать. И именно генералу Л. принадлежало горькое и злое изречение о неудачах японской войны. «Не было никакой желтой опасности, – сказал он, – а была всего лишь одна – красная опасность: едва обыкновенный человек надевал красные генеральские лампасы, как немедленно же глупел, терял память, соображение, умение обращаться с человеческой речью и обращался в надменного истукана».

Когда началась великая война, и началась при дурных ауспициях, генерал Л. был вызван со своей окраинной армией на северо-западный фронт театра военных действий.

Удивительна была необыкновенная быстрота, с которой совершилась мобилизация в окраинных губерниях; но еще более поразила старых знатоков военного дела и молодых генштабистов прямо чудесная скорость в переброске окраинной армии через пространство во всю длину России.

Тулубеев сам наблюдал в царстве Польском, как разгружались из железнодорожных вагонов первые эшелоны окраинских полков. Еще не дожидаясь окончательной остановки поезда, солдаты, как груши из мешка, валились на перрон и мгновенно выстраивались с примкнутыми штыками, с заряженными ружьями. И что за люди! Молодец к молодцу. Рослые, здоровые, веселые, ловкие, самоуверенные, белозубые...

Пехотные солдаты-михрютки, глядя на них не без зависти, добродушно спрашивали:

– Откуда вы, такие сытые да ядреные?

И те, по-северному окая, весело отвечали:

– Да мы уж, однако, такого изделия генерала Л. Мы... А ну-ка, андола [дружи']. (Прим. автора.)), показывай, где тут у вас дорога к немцам. Вот мы с генералом Л. пропишем им ужотко кузькину мать!

И потом Тулубееву много раз приходилось слышать из солдатских уст имя этого генерала, произносимое с непоколебимой верой и с корявым, суровым обожанием. Несут на носилках еле живого, исковерканного разрывом бомбы солдата, и он коснеющим языком, слабым шепотом едва выговаривает: «Отца-то нашего, генерала Л., поберегите...»

Свидетельствуют в госпитале поправляющихся солдат, чтобы отобрать тех, которые еще годятся быть снова посланными на театр военных действий. Как и всегда в этих случаях, порядочное число солдат невольно старается избежать вторичной отправки в окопы и на колючую проволоку, под пулеметный огонь, и потому охает, жалуется, симулирует болезнь, немочь, слабосилие. Приходит очередь низенького, коренастого, скуластого солдата, глаза которого играют лукавой насмешкой.

– Снимай рубаху, – приказывает старший врач, готовый выслушать, выстукать и помять солдата.

– А на кой ляд? Эх, господин дохтур, брось ты эту хреновину. Я

по своей собственной воле пойду немца догрызать. Я – генерала Л.!

Тулубеева крайне интересовало, и удивляло, и поражало то обаяние генерала Л., которое как бы обволакивало всю его армию. Он пробовал расспрашивать об этом окраинных солдат и офицеров, но получал сведения, недостаточно ясные и вовсе не поэтические.

– Строг наш генерал, дже строг, – говорили солдаты, – но только без оранья глупого, без злобы и без злопамятности. Взгreet виноватого до белого каления и баста, квиты, гуляй на здоровье, Сенька. Но и справедлив же, вроде царя Соломона. За своего солдата, даже за самого лядащенького, любому голову оторвет. А главное – прост очень. Когда говорит с солдатами, так, ей-богу, говорит по-русски. Все до последнего словца понятно, до самой малой чуточочки. И не мелочен: никогда не обидится, если его на «ты» солдат назовет: «Ты, мол, не беспокойся, ваше превосходительство, – все честь честью будет сделано».

Вскоре Тулубееву пришлось лично познакомиться с генералом Л. При вступлении новой армии на театр военных действий началась перетасовка корпусов. Тот корпус, где служил Тулубеев, а следовательно, и славный Липецкий драгунский полк поступили в командование генерала Л.

Тот день, когда Тулубеев вместе со своим полком представлялся новому командующему армией, был для него самым серьезным и счастливым в его жизни. Широкогрудые, медведеватые солдаты окраинной армии недаром говорили о генерале Л., что он на сажень сквозь землю видит. Молодой кавалерийский полковник и суровый генерал от инфантерии, командующий армией, которого истинные патриоты и настоящие воины мечтали увидеть в роли главнокомандующего, с первых минут знакомства почувствовали симпатию и доверие друг к другу. «Этот Тулубеев молодец, умница и не ведает страха, – подумал Л., оглядывая пронцательным взором с ног до головы полковника, – и у Липецкого полка прекрасная репутация. Им можно при надобности поручить самое рискованное, самое отчаянное дело, и они всегда сумеют вывернуться благополучно и задачу исполнить». А

полковник мысленно сказал себе: «Вот он, тот начальник, которого искала душа моя».

Потом генерал закурил папиросу, предложил курить и Тулубееву и спросил:

– Есть в ваших жилах татарская кровь?

– Точно так, ваше превосходительство. Мы давнишние татарские князья, родом из Касимова. Мой дед первый перешел из магометанства в христианство и женился на русской.

Л. покачал головой:

– Отличный народ татары; все они честны, верны слову, опрятны, смелы, прекрасные, прирожденные всадники и первоклассные воины. А до чего проста магометанская вера. Как она удобна, практична, не обременительна и как возвышает человека. Эх, дал маху великий князь Владимир, Красное Солнышко, когда из всех религий не остановился на магометанской! Сделай он так – и мы бы теперь... Впрочем, бросим это. Нет на свете худших занятий, чем быкать и перекобыльствовать. Не хотите ли еще папиросу?

А о мечте Тулубеева, о большом рейде поднял однажды разговор с Тулубеевым командующий армией генерал Л.

Однажды в ставку генерала Л. были собраны некоторые начальники отдельных частей. В том числе был и полковник Тулубеев. Но внезапно заседание было прервано шумом, грохотом и людским галдением, раздавшимся со двора. Все офицеры вышли из комнаты. Оказалось, что окраинские казаки привели пленных венгерцев, а отнятое у них оружие привезли на тачанках. Изумительно было то, что вся казачья покатывалась от хохота. Смеялись и все солдаты, наполнявшие двор. Пленные тоже улыбались сконфуженно и смущенно. И странно было смотреть на то, как эти ярко расцвеченные воины, все, как один, неуклюже держались за животы.

– Что это там за водевиль? – нахмурясь, спросил сердитый генерал.

Вышел из толпы казачий урядник и стал неловко переминаясь с ноги на ногу.

– А, это ты, Копылов? – узнал генерал Л. – Ну, телись, телись, в чем дело?

– Так что, ваше высокопревосходительство, ты приказал на

Зеленой горке пикеты расставить, то мы и сделали оцепление с надлежащим тылом. Однако заметили на рассвете, что немцы на нашу сторону на брюхах ползут. Тут мы его потихоньку окружили и разом на него напали. Человек восемь положили на месте, а другие, однако, побросали ружья и руки вверх подняли. Просят, значит, пощады. Ну, я, конечно, сказал им на знаках, что, мол, идите за передовыми, а мы будем вас охранять сзади и с боков. Пошли. Идем. А только начало меня сомнение брать. Немцев-то, думаю, человек до тридцати будет, а нас всего четырнадцать. Да тут еще слышу: пленники-то наши начали между собою говорить: «Дыр, дыр, дыр, быр, быр, быр». Очевидно, собираются, мои голубчики, разом стрелка дать. Ну, это уж, думаю, свинство будет. Забрал все их ружья на проезжавшую тачанку, а станичникам сказал: «Ну-ка, ребята, сейчас же отрежьте все пуговицы, какие есть у немцев на штанах. Все, какие есть на штанах и на подштанниках». Ну, станичники мигом это оборудовали, и тут уж немцы сразу бежать отдумали. Да и как побежишь, когда обеими руками надо портки из всех сил поддерживать? Вот они, все немцы, в полной сохранности. По дороге встретили мы нашего сотника. Он говорит: «Идите с пленными до командующего, пусть на ваше изобретение полюбуется». Так что простите, пожалуйста, ваше превосходительство, что я немцев огорчил и обесславил. Но генерал Л. и не думал гневаться. Наоборот, он взял Копылова за затылок, притянул к себе и поцеловал в лоб.

— Спасибо, станичник, — сказал он. — Благодарю тебя за смекалку и находчивость. Представлю тебя к чину хорунжего и к ордену Святой Анны. Подождем большого боя — нацеплю тебе на грудь Георгия.

В этот день генерал Л. пригласил Тулубеева к вечернему чаю. Уже стало смеркаться, и отдаленная канонада затихала. Л., долго молчавший до этой поры, вдруг медленно, точно с укоризной, покачал головой и сказал:

— Вот видели мы с вами нынче казака Копылова. Хорош? Не правда ли?

— На что лучше, ваше высокопревосходительство.

— Да вы оставьте этот хвостатый титул хоть на время простой

дружеской беседы. Помилуйте, целых одиннадцать слогов! Стоя уснешь, пока их выговоришь. Есть у меня имя, данное мне при святом крещении, да еще отчество в память моего батюшки, человека совсем незнатного, но честного, правдивого и к тому же разумного патриота. Вот по ним меня и зовите. А о Копылове я потому говорил, что очень много о нем нынче думал, и не о нем одном, а обо всей русской армии и обо всем православном русском народе. Копылов, он и ловок, и догадлив, и находчив. Но ведь он – казак, а все казаки по природе – урванцы и ухорезы, к тому же прочные вольные собственники и прирожденные наездники. Но долгий опыт и внимательное наблюдение привели меня к твердому убеждению в том, что из корявой и гунявой массы мужиков-хлеборобов можно вырастить и воспитать армию, какой никогда не было и никогда не будет в мире. И это придет! Однако не скоро... Ни я, ни вы, ни наши правнуки до этого торжества России не доживем. Теперь же – что поделаешь? – будем заштопывать дыры, наделанные правящим классом и подхалимством теоретиков.

А теперь несколько слов о вашем, так страстно мечтаемом рейде. Да, мысль соблазнительная, героическая и при удаче дающая великолепные результаты. Вы думаете, я не бредил рейдом? Да еще как! С самого начала войны я настаивал на том, чтобы перенести ее в Германию, сделав, таким образом, наше положение из оборонительного наступательным и взяв, таким образом, инициативу боев в свои руки, как это делали великие русские победители в прошедшие века. В драке побеждает тот, кто первый оглушил противника сильным ударом. Это – закон. Я уже готовился броситься в отчаянный рейд со всей моей окраинной армией. У меня была нехватка в кавалерийском составе, но я посадил бы верхом на крестьянских лошадей моих непобедимых пехотинцев. Аллах акбар, как говорят мусульманские воины. Пускай бы все мы погибли до единого, но до той поры мы навели бы ужас на всю Германию своей дьявольской дерзостью и беспощадностью. А вести о наших победах стали бы чудесным допингом для русской армии и для русского народа... Но ведь вы понимаете, Тулубеев, какую огромной, безграничной властью должен обладать начальник такой сверхчеловеческой экспедиции и

какую абсолютную веру должен питать к нему самый ничтожный солдатишка. Но, увы, друг мой, героические планы и вдохновенные бои отошли в область преданий. Теперь масса давит массу, теперь шпионаж и телефон решают исход сражения. Мой рейд, прекрасно обдуманый и точно подготовленный, был вдребезги скомкан и разбит великими стратегами генерального штаба, заседающими в Петрограде и никогда не видавшими войны даже издали. Они, видите ли, закаркали, как вороны: «Будет! Достаточно! Видели мы рейд генерала Ренненкампа! Довольно нам этих доморощенных рейдов некомпетентных храбрецов...» Я еще в японскую войну громко настаивал на том, что нельзя руководить боями, сидя за тысячу верст в кабинете; что нелепо посылать на самые ответственные посты, по протекции, старых генералов, у которых песок сыпется и нет никакого военного опыта; что присутствие на войне особ императорской фамилии и самого государя ни к чему доброму не поведет. Я говорил еще, что победу, трофеи и триумф мы радостно повергнем к стопам обожаемого монарха и его высочайшей семьи, но всю черную работу дайте нам, серым солдатам... Руки у нас мозолистые, и умирать мы – мастера... Так ведь нет же! Яман, как говорят татары.

Помолчав немного, генерал Л. сказал глухим голосом:

– А главное-то ваше горе, славный кавалерист Тулубеев, заключается в том, что при нынешнем ходе войны рейд уже становится невозможным и немыслимым. Я скажу даже больше: всего через месяц, через два кавалерия начнет быстро уходить, исчезать, обращаться в пепел и в прекрасное героическое рыцарское воспоминание. Нет для нее ни размаха, ни места, ни задач. Подлая теперь пошла война, а в будущем станет и еще подлее.

Уже теперь пропал пафос войны, пропала ее поэзия и прелесть, и никогда уже не родится поэт, возвеличивающий войну, как возвеличил ее Пушкин в своей «Полтаве». Мы с вами, Тулубеев, последние рыцари.

И генерал Л. был пророчески прав. Вскоре кавалерия стала не нужна и совсем бесполезна. Самые блестящие кавалеристы переходили в пехотные армейские полки и дрались в их рядах

мужественно и самоотверженно, погибая, как скромные, послушные герои. В одном из этих полков погиб и Тулубеев, смертельно раненный в блиндаже при разрыве тяжелой бомбы.

Он умирал в страшных мучениях. Полковой скромный попик едва успел его пособоровать, последние, едва слышные слова его были: «Батюшка, помолитесь за Россию и за славного генерала Л.».».

1934.

Александр КУПРИН. Некаýalar